

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сун Ц. Газетные сообщения о польском восстании 1863 г. в восприятии Л.Н. Толстого // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69117 EDN: AXFFAX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69117

Газетные сообщения о польском восстании 1863 г. в восприятии Л.Н. Толстого

Сун Цзясюань

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра истории русской литературы, Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова

119415, Россия, г. Москва, ул. Кравченко, 7, кв. ДСК

✉ jiax.song@yandex.ru[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.1.69117

EDN:

AXFFAX

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2023

Аннотация: Во время польского восстания 1863 г. Л.Н. Толстой выражал желание вновь отправиться на войну, о чем известно из его письма А.А. Фету от 1...3 мая и из дневника С.А. Толстой от 22 сентября 1863 г. В результате оставался практически неисследованным сам военно-политический контекст 1863 г., в котором это желание сформировалось. Оставалось непонятным, какие польские или общеевропейские события могли актуализировать толстовское желание именно в мае и сентябре 1863 г., почему это желание то обостряется, то, очевидно, отступает. В данной статье мы восполним этот пробел, воссоздав внешнеполитический контекст 1863 г. на основе газетных сообщений о польском восстании за апрель-май и за сентябрь. В начале 60-х годов польское восстание повлекло за собой вмешательство в конфликт западных держав. Это привело к дипломатической борьбе между Российской империей и западными державами. В центре нашего внимания будут публикации из «Московских Ведомостей» под редакцией М.Н. Каткова, за которыми Толстой скорее всего следил. Основным методом исследования является сопоставительный и культурно-исторический. Используя эти методы, мы детально анализируем, что конкретно происходило в мае и

сентябре 1863 г. на театре боевых действий в Польше и в дипломатических сферах Европы. Воссоздав международную обстановку этого времени, мы докажем, что желание Толстого «снять меч с заржавевшего гвоздя», о котором он писал Фету, возникало в наиболее кризисные для европейской дипломатии моменты, когда новая война России с коалицией западных государств (наподобие Отечественной или Крымской) казалась почти неизбежной. А исчезновение его желания связано с ликвидацией этой военной угрозы. Это доказывает, что в момент начала работы над «Войной и миром» писатель еще довольно внимательно следил за современной политической повесткой, хотя он отказался от участия в войне, мысль о ней не прошла бесследно и наложила отпечаток на его художественное воображение. Далее Толстой предложил читателю «Войны и мира» в целом миролюбивый взгляд на отношения между народами.

Ключевые слова:

польское восстание, дипломатия, Лев Толстой, Московские Ведомости, пресса, Война и мир, Отечественная война, западные державы, Александр Михайлович Горчаков, Михаил Никифорович Катков

Польское восстание 1863 г. привело к политическому кризису в Российской империи и к усилению консервативных настроений в обществе и в провластных кругах. Во многом это было связано с опасениями, что восстание выйдет за пределы Царства Польского, охватив литовские, украинские и белорусские территории, которые в России многие считали исконно русскими [см. 1]. Основания для таких опасений давало и все более враждебное отношение к России западноевропейских государств, поддержавших польских инсургентов. Не обошел вниманием события 1863 г. и Л.Н. Толстой, десятилетием ранее служивший в русской армии на Кавказе, а затем принявший участие в Крымской войне. В письме А.А. Фету от 1...3 мая 1863 г. он высказывает намерение вернуться в армию: «Что вы думаете о польских делах? Ведь дело-то плохо, не придется ли нам с вами и Борисовым снимать опять меч с заржавевшего гвоздя?» [2, т. 61, с. 17]. Об этом мы узнаем из дневника С.А. Толстой, это желание, разумеется, не одоблившей, от 22 сентября 1863 г.: «На войну. Что за странность? Взбалмошный — нет, не верно, а просто непостоянный <...> Поставил в такое положение, что надо жить и постоянно думать, что вот не нынче, так завтра останешься с ребенком, да, пожалуй, еще не с одним, без мужа. Все у них шутка, минутная фантазия. Нынче женился, понравилось, родил детей, завтра захотелось на войну, бросил. Надо теперь желать смерти ребенка, потому что его я не переживу. Не верю я в эту любовь к отечеству, в этот enthousiasme в 35 лет. Разве дети не то же отечество, не те же русские? Их бросить, потому что весело скакать на лошади, любоваться, как красива война, и слушать, как летают пули. Я его начинаю меньше уважать за непостоянство и за малодушие» [3, т. 1, с. 61-62].

Исследователи затрагивали вопрос о причинах этого толстовского намерения, но не давали на него четкого ответа, чаще всего ограничиваясь комментариями психологического рода. Кроме того, в их поле зрения попадал обычно лишь один из эпизодов 1863 г. — либо весенний, либо осенний. Так, Н.Н. Гусев не комментировал майский план Толстого, а сентябрьский объяснял тяжестью его семейной жизни, заставляющей вспомнить ответ князя Андрея в «Войне и мире» на вопрос, зачем он идет служить в армию: «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь — не по мне!» [4, с. 615]. Сходным образом оценивает этот эпизод Б.М. Эйхенбаум, рассматривая его в связи со становлением замысла «Войны и мира». В желании Толстого отразилась,

по его мнению, «эмоциональная и эстетическая сторона военных увлечений» писателя, т.е. в нем ощутимо своего рода «молодечество», присущее некоторым героям Толстого, отправляющимся на войну в поисках сильных и ярких впечатлений [\[5, с. 211\]](#). Как полагает исследователь, эти военные настроения, вкупе с общим интересом современников писателя к Отечественной войне, 50-летие которой отмечалось в 1862 г., и способствовали работе Толстого над книгой, ставшей «Войной и миром».

Более содержательной с исторической точки зрения представляется версия С.С. Дорошенко, который в книге «Лев Толстой - воин и патриот» утверждал, что поводом к толстовскому желанию принять участие в войне было не столько польское восстание само по себе, сколько угроза объявления западными державами войны России: «Он собирался на «войну» лишь в том случае, ежели бы такая действительно возникла в России с западными странами, но усмирять поляков Толстой явно не намеревался» [\[6, с. 290\]](#). Нам близко намерение исследователя перенести внимание с семейных обстоятельств Толстого на военно-политические, однако и Дорошенко, встраивая польское восстание в контекст европейского внешнеполитического кризиса начала 1860-х гг., не проясняет деталей этого кризиса, мотивировавшего Толстого вспомнить свою боевую молодость. Цитируя и письмо Толстого Фету, и дневник С.А. Толстой, исследователь не анализирует, что конкретно происходило в мае и сентябре 1863 г. на театре боевых действий в Польше и в дипломатических сферах Европы.

В своей работе мы попробуем воссоздать этот внешнеполитический контекст, тем самым ответив на вопрос, почему план пойти на войну появляется у Толстого дважды с некоторым интервалом – весной и осенью 1863 г. Отталкиваясь от газетных сообщений о польском восстании за апрель-май и за сентябрь 1863 г., мы реконструируем международную и военно-политическую обстановку того времени и объясним таким образом пробудившийся в это время интерес Толстого и к современным польским событиям, и к эпохе наполеоновских войн. Мы будем опираться главным образом на публикации в «Московских Ведомостях» под редакцией М.Н. Каткова – во-первых, потому, что этот печатный орган в это время становится особенно популярным в России, транслируя точку зрения о необходимости дать полякам жесткий отпор во избежание распада России [см. 7]. Во-вторых, Толстой в начале 1860-х гг., отказавшись от сотрудничества с другими изданиями, прежде всего «Современником», печатался исключительно в журнале Каткова «Русский Вестник», опубликовав здесь роман «Казачья», рассказ «Поликушка» и первые части будущей «Войны и мира», а также несколько объявлений [\[2, т. 61, 77, 182, 205, 212-213\]](#). Так что есть все основания полагать, что прежде всего «Московские Ведомости» попадали в круг его чтения, тем более что в его письмах 1860-х гг. встречаются отсылки к публикациям газеты [\[2, т. 61, с. 138, 157-158\]](#). Воздействие публикаций «Московских Ведомостей» на творческое воображение Толстого во время создания «Войны и мира» убедительно описано О.Е. Майоровой [см. 8]. Однако он не разделял целиком и полностью политических взглядов Каткова, что подтверждает письмо А.А. Толстой от 14 ноября 1865 г.: «Почему вы говорите, что я поссорился с Катковым? Я и не думал. Во-первых, потому что не было причины, а во-вторых, потому, что между мной и им столько же общего, сколько между вами и вашим водовозом» [\[2, т. 61, с. 115\]](#). В этом письме он также выражает равнодушие к общественным вопросам вроде польского: «Я и не сочувствую тому, что запрещают полякам говорить по-польски, и не сержусь на них за это, и не обвиняю Муравьевых и Черкасских, а мне совершенно всё равно, кто бы ни душил поляков или ни взял Шлезвиг-Голшт[ейн] или произнес речь в собрании земск[их] учреждений» [\[2, т. 61, с. 115\]](#). Однако его реакция на польское

восстание 1863 г. и само перечисление не случайных, а самых что ни на есть злободневных тем середины 1860-х гг. в письме Толстой подтверждает, что он следил за новостями, и, видимо, «Московские Ведомости», не слишком близкие ему идеологически, все же удовлетворяли его потребность в получении новостей, а даваемые газетой оценки событий могли оказывать на него некоторое воздействие. Толстой в это время был настроен в политическом смысле весьма умеренно: к 1863 г. он уже расходится с демократическими изданиями вроде «Современника» и на рубеже 1863-1864 гг. пишет антиинигилистическую комедию «Зараженное семейство». Так что в целом он не был тогда склонен проблематизировать основания российской внешней и внутренней политики с той решительностью, которая будет присуща ему в поздние годы, когда он будет выражать глубокое сочувствие польскому народу. В письме М. Здзеховскому от 10 сентября 1895 г. Толстой пишет: «Я, не будучи поляком, поспорю с каждым поляком в степени отвращения, негодования к тем диким и глупым мерам русских правительственных лиц, которые употребляются против веры и языка поляков» [\[2, т. 68, с. 168\]](#).

Обратимся к исторической стороне дела. 10 (22) января 1863 г в Царстве Польском вспыхнуло вооруженное восстание, которое с наступлением весны распространилось на Западный край Российской империи. В апреле действия повстанцев принимают еще более обширные размеры: «Повсюду бродили партии от 10 до 50 человек, которые бесчинствовали в местах, незанятых войсками, вешали там мирных жителей, даже женщин, заподозренных в преданности правительству» [\[9\]](#). Поскольку повстанцы были рассеяны повсюду, надежда на скорое подавление восстания не оправдалась. В конце апреля в Варшаве образовалось народное правительство – Жонд [См. 10, с. 167] что подтверждало масштабные цели восстания, притязание поляков на получение полной независимости и восстановление Польши в границах 1772 г. Именно с этого момента борьба поляков за свободу стала вызывать особенно негативную реакцию в русском обществе, поначалу скорее сочувствовавшему борьбе поляков за свободу, но не желавшем отторжения от Российской империи ее западных регионов. Известно, что с этого времени начинает падать популярность «Колокола» Герцена, сочувствовавшего Польше, и возрастает значимость «Московских Ведомостей», редактором-арендатором которых с 1863 г. стал Катков, протестовавший против каких-либо уступок восставшим [см. 7, с. 26-27]

К этому времени польское восстание обратило на себя внимание европейских государств и повлекло за собой их вмешательство в конфликт, который Российская империя считала своим внутренним делом. 5 (17) апреля послы Англии, Франции и Австрии вручили в Петербурге ноты вице-канцлеру князю А.М. Горчакову. Англия считала правомерным свое участие в польских делах как участница Венского конгресса 1814-1815 гг. Взяв за основу Венский трактат, определявший принципы разделения Польши между Россией, Австрией и Пруссией, Англия потребовала от России выполнения трактата и прекращения военных действий. Как писали «Московские Ведомости» от 28 апреля, на самом деле вмешательство Англии объяснялось тем, что она «надеется обделать дела на Востоке» [\[11\]](#) и желает использовать польское восстание, чтобы получить там свободу действий. Кроме того, Англия чувствовала себя ущемленной вследствие сближения французского и русского правительств после окончания Крымской войны, а потому стремилась «свести на нет франко-русское сближение» [\[12, с. 69\]](#). В силу сближения с Россией французский кабинет, в свою очередь, поначалу был равнодушен к польскому восстанию. Однако, когда в дело вмешалась Пруссия, заключившая с Россией 27 января (8 февраля) конвенцию о возможности перехода вооруженного русского отряда через

прусскую границу для преследования польских инсургентов [\[13, с. 152\]](#), Франция изменила первоначальную нейтральную позицию и вмешалась в польский вопрос, мотивируя это желанием восстановить порядок в Европе. Однако «Московские Ведомости» в номере от 28 апреля отмечали и собственную заинтересованность Франции в изменении европейской карты: для выполнения этой грандиозной цели «потребовалось бы от нас <России — С.Ц.> Финляндия и Польша, а от Австрии — Галиция. Вознаграждение за все эти пожертвования можно выкроить из Турции, которая служит запасным фондом на всякий случай. Устроив это дело по своему желанию, императору французов не трудно было бы расширить Францию до Рейна» [\[11\]](#).

Для достижения этой цели Франция еще в начале апреля начала, во-первых, искать военной и моральной поддержки у Италии, Швеции, Испании и других государств, а с другой — стремилась побудить Австрию и Англию к действиям в пользу Польши, настроив их против России, что констатировали «Московские Ведомости» в выпуске от 2 мая [см. 14]. Австрия присоединилась к Англии и Франции, в то же время надеясь, по объяснению Каткова, на то, что Россия изыщет «какие-либо способы прекратить волнения в сопредельных с Австрией областях, угрожающие ее собственному спокойствию» [\[15\]](#). Таким образом, Австрии приходилось вести сложную игру: с одной стороны, она желала бы сблизиться с западными державами для того, чтобы получить их поддержку при столкновениях с Италией и Пруссией; ее нежелание принимать сторону России было также связано с тем, что это бы возбудило против Австрии ее польских поданных (особенно в Галиции, где польское дворянство играло значительную роль); с другой же стороны, Австрия не хотела и торжества Польши, поскольку опасалась, что пожар восстания и в этом случае может распространиться на Галицию [см. 10, с. 129].

Нетрудно заметить, что проанализированные нами сообщения появились в «Московских Ведомостях» в те самые дни, когда Толстой писал свое письмо Фету. Воссоздав международную обстановку весны 1863 г., можно констатировать, что новая общеевропейская война, о которой упоминал Дорошенко, казалась как никогда неизбежной именно в конце апреля — начале мая, что позволяет объяснить озабоченность Толстого военными делами в этот момент. Сообщения газет заставляли его вспоминать Крымскую войну 1853-1856 гг., в которой несколько европейских держав вступили в коалицию и нанесли России серьезный ущерб. Как отмечает современный исследователь, «опасность в случае столкновения с бывшими противниками по Крымской войне потерпеть поражение была реальной» [\[16, т. 15, с. 89\]](#). Толстой, видимо, тоже допускал, что антирусская коалиция использует польский вопрос для ослабления России.

Напряженная ситуация разрядилась к июню. Назначенный 1 мая новым виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьев использовал чрезвычайно жесткие меры для подавления восстания: из его донесений видно, что действия русских войск в конце мая были направлены к окончательному очищению края от «бродящих еще шаек» [\[17\]](#). Если же говорить о внешнеполитической обстановке, то несмотря на то, что в мире все больше распространялись слухи о приготовлениях к всеевропейской войне, антирусская коалиция не принимала никаких мер, предваряющих реальное объявление войны. «Московские Ведомости» заявляли, что финансовые приготовления коалиции к войне не ведутся [см. 18], т.е. западные державы только запугивают Россию. Видимо, осознав мнимость военной опасности, Толстой и перестал размышлять о том, не стоит ли ему лично отправиться в Польшу.

После временного летнего затишья поворот в польских вопросах произошел в конце

сентября: речь английского дипломата графа Росселя, произнесенная 15 (27) сентября 1863 г. в городе Блейргоури (Шотландия), поставила под сомнение право России владеть Польшей и вновь актуализировала споры европейских держав по польским делам. Россель заявил, что поскольку Россия не выполнила обязательств, наложенных на нее Венским трактатом, ее право на Польшу «едва ли может быть сохранено» [19]. Это заявление было равносильно признанию Польши полноценной «воюющей стороной» [20], что, в свою очередь, означало, что польскому вопросу придавался уже не внутрисоветский, а европейский характер. Позиция Росселя получила поддержку Франции, которая, не желая закрыть себе дорогу к Рейну, сделала аналогичное заявление. Франция желала бы, «чтобы поляки признаны были воюющей стороной» и чтобы России был поставлен ультиматум из шести пунктов «для немедленного приведения их в действие». Однако осторожная Австрия не желала поддерживать ни Англию, ни Францию и осталась в стороне, поскольку признание инсургентов воюющей стороной привлекло бы к театру войны Галицию и было бы предвестием неизбежной войны с Россией [21, с. 862].

Периоды затишья и «усиления предприимчивости» польских отрядов чередовались в зависимости от производившихся дипломатических сношений держав-«покровительниц Польши» [10, с. 299]. В момент очередного «кризиса в политике» повстанцы как бы напрягали все силы, чтобы «подогреть остывавший мятеж» [10, с. 299]. Как отмечали «Московские Ведомости» в начале сентября, «настоящее положение в Варшаве чрезвычайно натянуто. Поляки находятся в тревожном, лихорадочном состоянии, ждут каких-то строгих мер и готовы исполнять их» [22]. В сочетании с возобновившейся дипломатической кампанией против России международная ситуация осенью 1863 г. сделалась еще напряженнее, чем весной. Как признавали «Московские Ведомости», «когда дипломатические переговоры на основании Венского трактата прекратились, – политика, принятая против нас в Европе, будет действовать еще сильнее, чем прежде, политика, направленная к тому, чтобы разжигать страсти, затруднять и смущать наше правительство» [19]. По мере усиления связей между Францией, Австрией и Англией уже не оставалось надежд на возобновление заключенного в 1815 г. Священного союза Австрии, Пруссии и России, так что в международном сообществе Россия оказывалась беспомощной и одинокой. Как указывала «Северная Почта», официальное издание Министерства внутренних дел России, английская «Times» объявила, что для трех поддерживающих Польшу держав «возможны только два выхода, или безропотно покориться, или объявить войну» [23]. Как полагали «Санкт-Петербургские Ведомости», Франция была в состоянии разжечь войну даже без помощи Австрии и Англии: «Она могла бы действовать сама в воинственном и революционном духе» [24].

Таким образом, есть все основания полагать, что и в этот момент озабоченность Толстого польским вопросом возникла не спонтанно и не только под влиянием домашних обстоятельств, но и под влиянием газет: в сентябре у него были все основания смотреть на ситуацию пессимистически. Как мы видим, ровно в тот самый день, когда в «Московских Ведомостях» было опубликовано сообщение о французском требовании признать Польшу «воюющей стороной», Толстой и заявляет жене о намерении пойти на войну.

Однако и в этот раз худшие опасения не подтвердились. Поскольку побудительным мотивом вмешательства западных держав в польские дела было осуществление своих внешнеполитических целей, а не помощь полякам в их освобождении от России, ни одна

из держав так и не решилась рискнуть и ввязаться в полноценную войну за Польшу. Поэтому признание за инсургентами прав «воюющей стороны» без их реальной вооруженной поддержки могло восприниматься Российской империей как пустая угроза. Кроме того, оказавшись перед лицом вполне возможного столкновения с западными державами, Россия смогла обрести в качестве союзника Соединенные Штаты. Прибытие русской эскадры в США 13 (25) сентября оказало огромное влияние на отношения Российской империи с Англией и Францией, придав первой «большую самостоятельность и свободу в ее европейских союзах» [25]. Кроме того, в самом Царстве Польском военные действия затихали, новостей о больших «шайках» больше не поступало. Продолжавшаяся около семи месяцев дипломатическая борьба вокруг польского вопроса подходила к концу, Россия избавилась от угрозы внешней войны, а желание Толстого «снять меч с заржавевшего гвоздя» отпало.

Таким образом, во время польского восстания Толстой был не только поглощен семейной жизнью и хозяйством, но и следил за политическими новостями. Хотя он и отказался от участия в войне (и, вполне вероятно, всерьез и не собирался переходить от слов к делу, выражая в вышеприведенных беседах с близкими скорее свою озабоченность ситуацией в целом, чем готовность реально идти воевать), мысль о ней не прошла бесследно и наложила отпечаток на его творчество этого времени. В письме к тетушке А.А. Толстой от 17 октября он сообщает о работе над романом «из времени 1810 и 20-х годов, который занимает меня вполне с осени» [2, т. 61, с. 23]. Литературные занятия Толстого прочно связываются с эпохой Отечественной войны, и обращение к этой теме во время польского восстания не было случайным. Известно, что во время войны 1812 г. поляки, связывая надежды на национальное освобождение с Наполеоном, воевали вместе с Францией против России. Отказ России от Польши в 1863 г. означал бы, по утверждению «Московских Ведомостей», готовность «пренебречь единственным осязательным результатом достославной борьбы, которую Россия выдержала в 1812 г. против всех полчищ Наполеона» [26], поскольку после победы над Францией большая часть Варшавского Герцогства (Так наз. Наполеоновская Польша, созданная Наполеоном I в 1807 г. и включавшая этнически польские земли, переданные Франции Пруссией по условиям Тильзитского мирного договора) оказалась в руках России. «Московские Ведомости» сравнивали 1812 г. и 1863 г. и в плане настроения общественного мнения, которое, по мнению Каткова, во время польского восстания было более единодушным. Катков, стараниями которого немалая часть русского общества в 1863 г. поддержала действия правительства, утверждал даже, что если «в 1812 г. многие могли ещё сомневаться, не лучше ли было бы действовать в духе уступчивости и сохранить мир с Наполеоном», то «в 1863 г., кроме немногих жалких отщепенцев земли русской, вся Россия сознает необходимость войны в случае, если враги наши не откажутся от своих замыслов, которые по собственному их признанию, клонятся к конечной гибели России» [27]. «Общество проснулось, — писали «Московские ведомости» в мае 1863 г., — подняло голову и громогласно, тысячами голосов, провозгласило, что оно встанет и будет крепко защищаться, когда придут грабить его дом и резать его детей» [28]. Как показала в книге «From the Shadow of Empire...» О.Е. Майорова, консервативные публицисты 1860-х гг., используя память о 1812 г., пытались пробудить в русском обществе патриотизм и стремление оказать полякам активное сопротивление, причем Катков был одним из главных инициаторов этого движения [см. 8]. Исторические аналогии между польским восстанием и Отечественной войной также способствовали интересу Толстого к эпохе 1812 г., однако писатель сохранил самостоятельность в восприятии этих событий [см. 8]. Показывая, например, убийство толпой Верещагина по приказу Растопчина, он дает понять, что люди могут быть подвержены своего рода

гипнозу, заставляющему их под влиянием минутного раздражения или коллективных настроений замысливать или совершать основанные на насилии поступки; однако влияние пропаганды или общественного мнения на личность не может быть продолжительным, и человек быстро осознает, что насилие есть крайность, чаще всего влекущая за собой муки совести. Так и сам Толстой, дважды в течение 1863 г., в моменты наибольшей общеевропейской напряженности, обдумывавший возможность личного участия в польских делах, постепенно, очевидно, переходил от непосредственно-эмоциональной реакции на публикации газет к их критической рецепции, почему и смог предложить читателю «Войны и мира» взвешенный и в целом миролюбивый взгляд на отношения между народами.

Библиография

1. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928-1958.
3. Толстая С.А. Дневники: в 2 т. 1862-1900. М.: Художественная литература, 1978.
4. Гусев Н.Н. Л.Н. Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957.
5. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Кн. 2: 60-е годы. Л.-М: Гос. изд-во художественной литературы, 1931.
6. Дорошенко С.С. Лев Толстой-воин и патриот: Воен. служба и воен. деятельность. М.: Сов. писатель, 1966.
7. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия: (М.Н. Катков и его изд.). М.: Наука, 1978.
8. Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855-1870. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, cop. 2010.
9. Московские Ведомости, 1863, 12 апреля, № 78.
10. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863-1864. М.: РОССПЭН, 2003.
11. Московские Ведомости, 1863, 28 апреля, № 91.
12. Хитрова Н.И. Польское восстание 1863 года и сближение с Пруссией // История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.: Междунар. отношения, 1997. сс. 68-73. ISBN 5-7133-0898-7
13. Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957.
14. Московские Ведомости, 1863, 2 мая, № 94.
15. Московские Ведомости, 1863, 26 апреля, № 89.
16. Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2013. Т. 15: Польское восстание 1863 года. сс. 7-138.
17. Московские Ведомости, 1863, 28 мая, № 114.
18. Московские Ведомости, 1863, 31 мая, № 116.
19. Московские Ведомости, 1863, 26 сентября, № 206.
20. Московские Ведомости, 1863, 18 июня, № 132.
21. Санкт-Петербургские Ведомости, 1863, 22 сентября, № 211.
22. Московские Ведомости, 1863, 7 сентября, № 194.
23. Северная почта, 1863, 20 сентября, № 206.

24. С-Петербургские Ведомости, 1863, 21 сентября, № 210.
25. Московские Ведомости, 1863, 5 октября, № 215.
26. Московские Ведомости, 1863, 11 апреля, № 77.
27. Московские Ведомости, 1863, 3 мая, № 95.
28. Московские Ведомости, 1863, 14 мая, № 103.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметный гейд рецензируемой статьи касается публицистического отклика о польском восстании 1863 года Л.Н. Толстого. Как отмечается в начале работы, «польское восстание 1863 г. привело к политическому кризису в Российской империи и к усилению консервативных настроений в обществе и в провластных кругах. Во многом это было связано с опасениями, что восстание выйдет за пределы Царства Польского, охватив литовские, украинские и белорусские территории, которые в России многие считали исконно русскими. Основания для таких опасений давало и все более враждебное отношение к России западноевропейских государств, поддержавших польских инсургентов. Не обошел вниманием события 1863 г. и Л.Н. Толстой, десятилетием ранее служивший в русской армии на Кавказе, а затем принявший участие в Крымской войне». Указанная тема не столь масштабно представлена в научно-критических изысканиях, следовательно, новизна публикации налична, при этом автор старается популяризировать исследуемую тему, отчасти предвкушая и ответную реакцию. Текст в целом информативен, содержателен, оценка равнодушия Л.Н. Толстого к указанным событиям дана объективно и полномерно. Аргументация значимости вопроса, на мой взгляд, также дана соразмерно и правильно: «исследователи затрагивали вопрос о причинах этого толстовского намерения, но не давали на него четкого ответа, чаще всего ограничиваясь комментариями психологического рода. Кроме того, в их поле зрения попадал обычно лишь один из эпизодов 1863 г. – либо весенний, либо осенний. Так, Н.Н. Гусев не комментировал майский план Толстого, а сентябрьский объяснял тяжестью его семейной жизни, заставляющей вспомнить ответ князя Андрея в «Войне и мире» на вопрос, зачем он идет служить в армию: «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь — не по мне!» и т.д. Стилевая составляющая уравновешена, манера оценки соответствует научному типу. Должный комментарий – точка зрения – дается последовательно / конструктивно. Например, «в своей работе мы попробуем воссоздать этот внешнеполитический контекст, тем самым ответив на вопрос, почему план пойти на войну появляется у Толстого дважды с некоторым интервалом – весной и осенью 1863 г. Отталкиваясь от газетных сообщений о польском восстании за апрель-май и за сентябрь 1863 г., мы реконструируем международную и военно-политическую обстановку того времени и объясним таким образом пробудившийся в это время интерес Толстого и к современным польским событиям, и к эпохе наполеоновских войн. Мы будем опираться главным образом на публикации в «Московских Ведомостях» под редакцией М.Н. Каткова – во-первых, потому, что этот печатный орган в это время становится особенно популярным в России, транслируя точку зрения о необходимости дать полякам жесткий отпор во избежание распада России» и т.д. Фактическая составляющая статьи выверена, объективность текста не вызывает сомнений: «однако его реакция на польское восстание 1863 г. и само перечисление не случайных, а самых что ни на есть злободневных тем середины 1860-х гг. в письме Толстой подтверждает,

что он следил за новостями, и, видимо, «Московские Ведомости», не слишком близкие ему идеологически, все же удовлетворяли его потребность в получении новостей, а даваемые газетой оценки событий могли оказывать на него некоторое воздействие. Толстой в это время был настроен в политическом смысле весьма умеренно: к 1863 г. он уже расходится с демократическими изданиями вроде «Современника» и на рубеже 1863-1864 гг. пишет антинигилистическую комедию «Зараженное семейство». Так что в целом он не был тогда склонен проблематизировать основания российской внешней и внутренней политики с той решительностью, которая будет присуща ему в поздние годы, когда он будет выражать глубокое сочувствие польскому народу. В письме М. Эдзеховскому от 10 сентября 1895 г. Толстой пишет: «Я, не будучи поляком, поспорю с каждым поляком в степени отвращения, негодования к тем диким и глупым мерам русских правительственных лиц, которые употребляются против веры и языка поляков». Методология работы соотносится с аналитической процедурой, м.б. тема, которая заявлена в заголовке нуждается в расширении и далее. Выводы по тексту продуктивны и точны: «сам Толстой, дважды в течение 1863 г., в моменты наибольшей общеевропейской напряженности, обдумывавший возможность личного участия в польских делах, постепенно, очевидно, переходил от непосредственно-эмоциональной реакции на публикации газет к их критической рецепции, почему и смог предложить читателю «Войны и мира» взвешенный и в целом миролюбивый взгляд на отношения между народами». Думаю, что стоит внести правку в библиографический список, поправить его в режиме требований издания (полновесный вариант описания). Тема в целом же раскрыта полностью, цель исследования достигнута. Практическая значимость работы естественна, эффект диалога реализован. Рекомендую статью «Газетные сообщения о польском восстании 1863 г. в восприятии Л.Н. Толстого» к публикации в научном журнале «Litera».